

Альберт Громов

БАРСКАЯ ЖИЗНЬ

Провинциальные рассказы

Альберт Громов
Барская жизнь.
Провинциальные рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11644027

ISBN 9785447421793

Аннотация

Молодой помещик Павел Ананьин отправился в город с деловой поездкой. Неожиданные приключения и любовные интриги изменили его дальнейшую жизнь, вынудив героя разобраться в чувствах. «Жена помещика Третюхина» рассказ о непростых семейных отношениях отставного офицера, вернувшегося с городской женой в родовое имение, надеясь на спокойную жизнь. Писатель «А» становится свидетелем значимых событий в жизни героев «Барской жизни». От первого лица он описывает это в коротком романе «Любовь и уважение».

Содержание

Барская жизнь	5
Глава 1. Усадьба Ананьиных	5
Глава 2. Вытоптанная рожь	11
Глава 3. На хозяйском дворе	23
Глава 4. Профурсетки	32
Глава 5. Городские новости	40
Глава 6. Любовная вечеринка	48
Глава 7. Приключения	57
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Барская жизнь

Провинциальные рассказы

Альберт Громов

Корректор М. Н. Шалова

© Альберт Громов, 2024

ISBN 978-5-4474-2179-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Барская жизнь

Роман

Глава 1. Усадьба Ананьиных

Стояли июльские жаркие дни. В воздухе держался стойкий аромат разнотравья полевых цветов. Невыносимый зной разогрел почву и дал повод для размножения сотням видов насекомых. Вездесущие кузнечики то замолкали, то вновь стрекотали в траве. Высоко в голубом небе с визгом проносились стрижи. В лесу расплодилось голодное комарье, а в полях хозяйничали слепни-кровососы. В овраге мелкого ручья гудели пчелы, там и тут порхали коричневые да желтые бабочки.

Загорелое молодое голое тело с шипением ворвалось в прохладные воды небольшого озерца, чем вызвало беспокойное кряканье камышовых уток и всплески притаившихся щук-карандашей. Молодой человек занырнул, и не успели круги на воде успокоиться, как на середине озера появилась белобрысая голова. Натужно выдыхая и отплеываясь, человек плескался и кружился на месте. Затем, шлепая руками о воду и создавая бурление ногами, купающийся стремительно приблизился обратно к берегу. И вот, наконец из воды

неспешно вышел молодой барин – Павел Витальевич Ананьин. Его мокрое тело моментально стало добычей для кровососущих слепней. Вредные насекомые принялись кусать и заносить свой яд под кожу, это стало причиной возникновения алых волдырей. Барин спешно стал одеваться, подпрыгивая на ногах и прихлопывая себя по рукам, животу и спине. Со стороны эти действия напоминали народный танец с элементами присядки. Барин натянул на ноги полосатые штаны, застегнул брючный ремень, накинул через голову белую хлопчатую рубашу и быстрым шагом, продолжая отмахиваться на ходу, направился в сторону белокаменного особняка с колоннами. Это был семейный дом Ананьиных, представлявший собой каменную двухэтажную постройку начала девятнадцатого века. По центру крыши возвышалась крытая обзорная площадка. Шесть белых круглых колонн придавали фасаду здания величественный вид классической архитектурной формы, в стиле Древней Греции. Между колоннами, справа от входа, молодого барина ждал обеденный стол, у которого суетились две женщины.

– Павел Витальевич, прошу вас, присядьте отобедать. Сегодня салат овощной, лапша куриная, тушеная конина с толченой картошкой, квас.

– Все, как я люблю! Маманя, составьте компанию, посидите рядом, – попросил барин свою маму Татьяну Ивановну.

– Невесту вам надо Павел Витальевич, богатую и красивую. Двадцать четвертый год, как ни крути на носу.

– Угу, надо. Завтра уезжаю в город, по пути хозяйство проверю. Недавно из деревни Пришлепиха вести пришли, мол, стадо соседских коров поля потоптали, урон посчитать надо. Съезжу проверить.

– Кушайте, кушайте Павел Витальевич. Вашу выходную одежду уже привели в порядок. Полы в доме Машкой намыты. Трава в округе выкошена Васькой-косарем, я ему червонец заплатила за весь сезон, пусть трудится.

– Спасибо, маманя, все правильно, пусть косит и живет с Машкой в пристройке все лето, а еще, попроси его сено убрать в сарай, когда оно подсохнет.

– Попрошу, конечно, попрошу. А вы не беспокойтесь и поезжайте в Ярославль, может, невесту найдете достойную, а нет, так развлечетесь сами, дело-то молодое.

Сытно отобедав, молодой человек неспеша направился в беседку, переваривать пищу. В деревянной беседке все проемы были затянуты тонкой тканью, натянута гамак, на котором дожидалась открытая книга Гомера. Молодой барин улегся в гамак и стал перечитывать главу Одиссеи. Отдельные отрывки он знал наизусть. Неожиданно, словно дуновение ветра, шторка отодвинулась и у входа появилась Машка.

– А, Машка. Тебе почитать Гомера?

– Нет, я не люблю Гомера, – коротко ответила девушка. – А я яблочки принесла, белый налив. Сюда поднос поставлю, хорошо?

Павел Витальевич вытянул руку в сторону и схватил

Машку за подол сарафана. Машка была одной из многих дочек косаря Васьки, которая работала в доме в качестве служанки. Обладая прекрасными округлыми формами тела, густыми, длинными русыми волосами и доступным поведением, эта девушка возбуждала молодого барина каждый раз, когда он оставался с ней наедине.

– Хм, опять пристаёте, Павел Витальевич. А я слышала, вы собираетесь в город. Дела ждут или богатые дамочки?

– Какие еще там дамочки? Я по делам поеду в поместье Третьюхиных. Их стадо поля вытоптало. Нельзя же скотину без надзора держать.

Налетел легкий ветерок и колыхнул материю на беседке. Машка рванулась к выходу и потянула за собой вцепившегося барина, который с грохотом слетел с гамака и упал на пол.

– Ай-я-яй! Дышать, как трудно дышать! Быстрее спаси меня, Машка! – притворным голосом потерпевшего стонал барин.

– Сейчас, маманю позову!

– Нет, не надо маманю. Пока ты будешь бегать, я умру.

Машка упала на колени рядом с молодым человеком, суетливо принялась гладить его лицо, дуть, понарошку махать руками. Ее длинные золотистые волосы внезапно распустились и упали на румяное лицо Павла Витальевича. Барин обхватил одной рукой Машку за шею, прижал ее к себе, пылко целуя и глядя ее, увлекся и забыл обо всем на свете. Обалдевшая Машка села на лежащего Павла сверху и, податливо вы-

гибаясь, постанывала на выдохе. Ее губы взмокли настолько, что слюна стекала на губы Павла и размазывалась щеками по всему лицу. Павел подтянул кверху подол платья и развязал бантик на штанишках Машки, что сделало ее доступной для плотской любви. Девушка закатила глаза и сильно засопела. Когда пальцы Павла тихонько коснулись низа ее животики, она негромко вскрикнула и вздрогнула. Павел обнял девушку и перекатился. Он быстро сорвал с себя всю одежду, склонился над разгоряченной девицей и, энергично двигая своими бедрами, забылся в порыве любовной страсти. Где-то за домом послышался сиплый голос мамани, она искала Машку. Девушка напряглась и, постанывая, выбралась из под обезумевшего барина. Она вытерла рукавом мокрое лицо, затем быстро привела себя в порядок, игриво взглянула на довольное лицо Павла и выскочила из беседки.

– Павлик, привезите из города мне подарочек, пожалуйста! – услышал барин Машкины слова, сказанные уже на бегу.

Довольный собой, Павел Витальевич поднялся на ноги и улегся в гамак. Вскоре книга вывалилась из рук спящего молодого человека, и громкий храп присоединился к шуму листвы и кузнечиков. Солнечные лучики пробивались сквозь листья столетнего вяза, просвечивая натянутую ткань на беседке. На конек крыши присела певчая птичка, что-то неубедительно просвистела и, вспорхнув, улетела. Из травы выскочил полосатый кот. Он подошел к беседке, постоял

и медленно пробрался внутрь. Животное немного посидело у гамака, а потом легко запрыгнуло на живот храпящего человека. Храп сразу же прекратился, а кот, помяв живот спящего барина, разлегся на нем.

Глава 2. Вытоптанная рожь

Утро следующего дня выдалось хмурым и дождливым. Погода напомнила осенние дни. Еще вчера светило знойное солнце, весело стрекотали кузнечики, а сегодня низкие кучевые облака и порывистый ветер наводили уныние и печаль. Смена погоды никак не повлияла на Павла Витальевича и его планы.

– В такую погоду только делами заниматься надо! – бодро он отвечал мамане.

– Драповое пальтишко возьмите, пригодится. Васька встал спозаранку, бричку снарядил, лошадей запряг, – хлопотала маманя, вертясь вокруг любимого сына.

– Хорошо, это все хорошо. Поеду и разберусь с этим Третьухиным. Вот я ему скажу, все скажу. Жалеть в словах не буду, он хитер, сам никогда не признается, наверняка будет юлить, скользкий этот гад Третьухин.

– Вы только себя не нервируйте, Павел Витальевич, будьте уверены и спокойны, слова обдумывайте заранее, чтоб не получилось после стыдиться за сказанное. Ну, с богом, идите.

Вскоре барин выехал по направлению к вытоптанным полям у деревни Пришлепихи. Моросил мелкий дождь. До полей нужно было проехать верст так пять, не больше. Павел Витальевич поглядывал то на серые облака над горизонтом,

то на лошадиные крупы, вспоминал Машку и рассуждал: «Если бы она была из рода знатных, то я давно бы женился на ней. Она ведь любит меня. Хозяйственная такая, читать и считать может, а образование всегда дать можно, у нее есть желание учиться». Так и решил, что когда вернется, то поговорит с Машкой об учебе. «Ну и пусть, если она найдет себе другого мужчину, то хотя бы образованной будет» – успокаивал себя Павел Витальевич. Наконец барин натянул поводья и затормозил лошадей. Он спрыгнул со ступеньки на землю и тут же вымазал зеркально начищенные сапоги в липкой грязи. Полуметровая рожь и вправду была протоптана кривыми коридорами, а кое-где и примятая вдобавок. Похоже, стадо коров продвигалось от луговых полей к хлеву без пастуха. Приложив правую руку ко лбу козырьком, внимательно осматривал Павел Витальевич родные просторы и кивал головой, подсчитывая потери. Ущерб был очевиден, нужно было ехать в поместье Третюхиных для предъявления претензии.

Примерно через полчаса лошади привезли бричку с баринном во владения Третюхина Егора Аристарховича. Псевдорусский стиль главного дома поместья кардинально отличался от постройки усадьбы Ананьиных. На территории располагались еще два дома с кирпичным первым этажом и деревянным вторым, три одноэтажных бревенчатых барака, видимо, для прислуги. Пять деревянных амбаров виднелись на заднем плане застройки. В деревянных пристройках к до-

мам хранилась полевая техника и располагалась мастерская. Посаженная роща с белыми античными фигурами и бассейном посреди, добавляла поместью признаки заимствованной культуры, все той же Древней Греции, но никак не вписывалась в общую картину местности. На входе главного здания показался человек в турецком халате и в красной шапочке с кисточкой, это был сам Егор Аристархович. Он стоял спокойно, засунув руки в карманы халата, и просто ждал. Этому человеку пошел пятый десяток, он давно привык к разборкам и ссорам, вот и теперь копил в себе силы для отражения атаки. В его понятии все зависело от стратегии поставленного диалога, нежели чем от эмоционального ругательства. Этому он научился в молодые годы, когда учился военному искусству.

Павел Витальевич вышел из брички, отдал поводья прибежавшему мальчишке и медленными шагами пошел к Третюхину, сдерживая в себе приступы ярости колотящегося сердца. С каждым шагом напряженность возрастала и возрастала. Одно неловкое движение, жест или резкий звук мог бы вызвать необратимую разрядку этого столкновения, что приведет к печальным последствиям. Павел Витальевич подошел близко к Егору Аристарховичу, поднял голову и посмотрел прямо в глаза. Доселе невозмутимый помещик неожиданно изменился. Его лицо смялось до морщин и расплылось в зубастой улыбке.

– Ах, как же давно мы не виделись, голубчик, Павел Вита-

льевич! Вчера только о вас вспоминали и надеялись на скорую встречу! Ну, довольно хмуриться, погода и так нынче не балует. Проходите в дом. У нас тепло и сухо, – заботливо, под локоть, провел помещик Третюхин барина в дом.

В доме действительно было тепло и сухо. В большой гостиной потрескивал углями камин. Два кресла стояли напротив камина, на одном из них лежал шотландский плед, что говорило о предыдущем местонахождении Егора Аристарховича.

– Да не дуйтесь вы так, соседushка! Все образумится, вот увидите. Ну-ка, занимайте вот это креслице. Мы сейчас все и обсудим, – помещик так радушно хлопотал о барине, чем вызвал у него покой и доверие.

– Ой, спасибо! Вы так заботливы со мной, Егор Аристархович, прямо, как с ребенком. Я не хотел вас тревожить, так ведь дела такие. Надо что-то предпринять с урожаем... – стал двигаться к делу барин, обходя кресло, но хозяин дома сделал вид, будто ничего не услышал.

– Сейчас вынесу молдавское вино. Вы любите вино? Как любит его моя жена! Му-о! Или раке, хотите, а? Чача есть! Ну, говорите скорей, не держите меня в напряжении. Вы знаете, мы с женой нынче в ссоре, уже неделю не разговариваем, поэтому вы, Павел Витальевич, посланы мне свыше. Представляете, неделю молчим и не разговариваем совсем.

– А-а-а, что там у вас есть, несите все! Попробуем ваши вина Молдавии. И раке тоже, – совершенно растаял барин

и плюхнулся в свободное кресло.

Егор Аристархович вытащил кузовок с запылившимися бутылками, достал одну и откупорил пробку. Не успел барин моргнуть глазами, как в его руке уже оказался хрустальный бокал, в котором дрожал рубиновый напиток. Мужчины звонко чокнулись и замолкли в наслаждении, выпивая вино. Коротко обменявшись мнениями о вкусе, они еще немного выпили вина, так сказать, для закрепления высказанных мнений. Чтобы не оставлять недопитую бутылку, пришлось разлить остатки и закончить с премьерой дегустации молдавского.

– А теперь пойдете, постреляем, дружище! Вы любите стрелять? У меня есть парочка боевых стрелковых ружей. Уверен, вам понравится стрелять из них. Идете быстрее.

Егор Аристархович вскочил и чуть не повалил сервант, но сервант устоял, а Егор Аристархович нет. Он повалился на пол и поднялся только, когда вцепился руками за спинку кресла. Павел Витальевич, опираясь за подлокотники кресел, поспешил на помощь к нему.

– Какое чудесное вино, голова работает, а ноги нет. А стрелять мы пойдём... Я еще не стрелял из ваших ружей, – сказал заплетающимся языком барин.

Егор Аристархович преодолел силу земного тяготения и поднялся на ноги. Опираясь руками за стены, он добрался до оружейного шкафа, из которого достал ружья с патронами.

– Все готово! Идем во двор! За мной, вперед, ура-а-а!

Пьяные господа без уличной обуви в одних тапках вывалились во двор. Они дошли до поляны, где на противоположной стороне заранее их поджидали мишени в виде летящих уток, установленные на длинных шестах. За кустиком виднелась стайка диких кабанов, а ближе к посадке стояли конные всадники и пешие солдаты в полный рост. На правах хозяина Егор Аристархович зарядил оба ружья и одно из них вручил барину. Импровизированные охотники залегли в траве.

– Ваша та, что из-за кустов вспорхнула, на без четверти два. Видите? Ага! Ш-ш-ш. Только тихо. Я целюсь в другую, которая взлетела на двенадцать часов. Вон там, видите? – шептал Егор Аристархович прямо в ухо барину так, будто они и впрямь были на охоте.

Раздалось два выстрела. В ушах зазвенело от резкого хлопка. Сизый дым от пороха окутал охотников. Когда ветер развеял дым, они увидели, что уток на своих местах нет. Довольные метким попаданием охотники заново зарядили ружья и принялись стрелять по деревянным кабанам. Кабаны легли не сразу. Павел Витальевич сбил крепкую мишень с третьего выстрела, а Егор Аристархович с пятого. Затем стрелки вообразили себя на войне и из позиции стоя стали стрелять в вооруженных пехотинцев и кавалеристов. Мишени не падали, хотя дыры от пуль виднелись даже издалека. Тогда с криками «За Россию! За Царя!» мужчины бросились

на мишени врукопашную и уложили противников на землю. Наконец, довольные от удачного развлечения, они вскинули ружья на плечи и побрели обратно в дом.

– А давайте, дорогой, в баньку отправимся! У меня парилка, ух какая. Стены из кедра, камушки новехонькие, идемте же, – не унимался гостеприимный хозяин.

– Эй, Игорек, ну где ты сидишь? Организуй нам срочно баньку, – позвал Егор Аристархович банщика.

Игорек появился моментально, словно вылез из под земли.

– Да, готова банька-то, барин, разогретая стоит. Я, как гостя увидел, так сразу все понял, – отвечал басистым голоском Игорек и шустро выполнял указания хозяина.

Вскоре господа парились в бане и похлестывали друг друга вениками. Можжевеловые, дубовые, березовые веники лежали в кадках с теплой водой, а новые висели в предбаннике и благоухали свежестью листвы. Баня оказалась большой и светлой. Гладкие доски из свежей древесины, белая печь, удобные лавки, все отличалось опрятностью и чистотой. На стенах висели шапочки из войлока, новые полотенца и простыни. Банный процесс – дело затяжное, поэтому парились до пяти раз. После каждого выхода из парилки господа выскакивали наружу и ныряли нагишом в пруд.

– Ах, хорошо-то как, просто жить хочется, не так ли Павел Витальевич?!

– Э-э-т точно, спасибо вам Егор Аристархович, и впрямь,

легче стало!

Голова после бани протрезвела, но совершенно не болела. Покрывшиеся леопардовыми пятнами от термического воздействия, мужчины чувствовали себя раскованно и весело. Песни сами лились из души. Игорек подхватил господ, и подпевая им, провел в дом.

– Давайте теперь распробуем раке. Предлагаю тост, за нашу дружбу! – уже разливал Егор Аристархович по небольшим турецким вазочкам мутный напиток.

– За подбитую дичь! Кстати, а где же эти утки? – толкал тост Павел Витальевич и одновременно уточнял про закуску.

– С легким паром! – прозвучал новый тост от Егора Аристарховича. – Лялька, закусь неси!

В один подход вазочки были опустошены. Пока господа задирали головы кверху для заглатывания напитка, на столе неожиданно появилась закуска. Девушка Лялька незаметно накрыла стол скатертью и поставила тарелки. Холодец из говядины, салат из свежих овощей на семечковом масле, студень из свинины с петрушкой был съеден мгновенно, следом со стола уходила в животы квашеная капуста, жареная картошечка, помидорчики, огурчики. Заботливый хозяин откупорил бутылку белого полусладкого вина и налил в чистые бокалы доверху.

– Дорогой мой, Павел Витальевич, должен вам признаться, что я виноват перед вами и готов исправиться. Вы меня просто спасли, правда-правда. Не перебивайте меня. Имен-

но спасли. Я ведь думал, что вы приедете ругать меня, морду бить, а вы такой порядочный господин, человек, вот. Незадолго до кончины, папенька ваш был у меня в гостях. Он был очень хорошим человеком. И вы весь в него. Правда.

– Да, признаться и я думал о вас плохо. Приеду, думаю, а вы мне на дверь укажете, мол, убирайся вон, пока цел.

– Не-е-е. Все не так. Дорогой мой, не печальтесь за свой урожай, я все компенсирую, хотите деньгами, хотите натурой отдам, помогу по осени, как скажете. Угу? Вы меня уважаете?

– Вас – уважаю! Вы – благородный человек. Да, господин своего слова! Наливайте еще, выпьем за нас!

– За уважаемых людей!

Бутылка белого вина быстро закончилась. Господа, чувствуя нужду, отправились в уборную. Павел Витальевич шел за хозяином по бесконечным коридорам, лестницам, комнатам, пока вдруг не увидел перед собой довольно красивую спину женщины в красном облегающем атласном платье с низким вырезом на спине, в туфлях с длинными каблуками. Она настолько быстро и тихо вышла в коридор из комнаты, что оказалась между мужчинами. Егор Аристархович, напевая военный марш, уже успел завернуть за угол, а Павлу Витальевичу мешала пройти эта милая особа с длинными каштановыми волосами. Она повернулась, оперлась одной рукой о стену, а другой в свое бедро., один ее глаз был скрыт под нависшими на лицо локонами.

– Тише. Я хотела бы с вами кое о чем поговорить. Не зайдете на пару минут сюда? – ее низкий и нежный голос подкупал обещанием доступности.

– Я, вообще-то, шел в туда, но раз вы просите, то можно и поменять свои планы, – пролепетал Павел Витальевич, словно попал под гипнотическое воздействие.

– Ну, конечно, идите, но на обратном пути я вас очень жду, – таким же таинственным голосом сказала женщина и вложила свой розовый платочек Павлу Витальевичу глубоко в карман брюк таким образом, что задержавшаяся ненадолго ее рука в глубине кармана успела совершить ощупывающие движения.

Павел Витальевич дошел до уборной, не встретив в ней никого. Он сделал свои дела, потоптался на месте у зеркала и пошел обратно. Проходя мимо одной из открытых комнат, он увидел спящего Егора Аристарховича. Он лежал с задранными на спинку дивана ногами и сильно храпел. Это показалось обидно – оставлять гостя в чужом доме совершенно одного и без внимания, поэтому барин направился туда, где его ждала симпатичная особа, очевидно, приходящаяся супругой Егору Аристарховичу.

Разговор с женщиной оказался коротким. Она просто хотела мужчину. Павел Витальевич был молод, силен, энергичен, вынослив, как конь, в отличие от Егора Аристарховича, а это и надо было для возбуждения страстного аппетита у его жены. Женщина, давно не получавшая своей порции

ласки, готова была на любые безумные поступки, чтобы отомстить мужу и получить долгожданные удовольствия. Павел Витальевич стянул с нее платье, под которым больше ничего не оказалось, а после разделся сам. Она вылила на себя флакон оливкового масла с духами и растерла по телу. Ее красивое тело стало блестящим и скользким. Жена Третьюхина оказалась ненасытной сексуальной извращенкой. Молодой барин не сопротивлялся ни в чем, он охотно принимал все ее постельные правила, терпел и за это получал ожидаемое удовольствие. Затем Павел Витальевич сорвался и потерял над собой какой-либо контроль. Женщина вытворяла такие театральные эротические постановки, каких раньше молодому человеку не доводилось видеть. Очевидно, сказывался опыт работы в борделях, куда молодому человеку не приходилось заходить. После многочисленных удовлетворений, окончательно утомив теперь и жену помещика до глубокого сна, барин на цыпочках вышел из ее комнаты со своими вещами в руках. Посетил еще раз уборную, где оделся и вернулся в гостиную. Здесь он взял с кресла клетчатый шотландский плед, прилег на кожаный диван и крепко уснул напротив потрескивающего камина.

Утром Павла Витальевича разбудил голос Егора Аристарховича, который сидел на полу у дивана и тихонько жаловался на свою бесовку жену.

– Она меня совсем не любит. Понимаете? Игнорирует мое присутствие, не пускает в свою комнату, а ведь она все еще

моя жена, перед богом клялась, чертова проститутка. И зачем я ее из дерьма вытащил? Простите, соблазнился...

– Да не печальтесь вы так, – стал успокаивал его барин. – Все образуется, сейчас вот соскучитесь, друг по другу, и вновь будет мир и согласие.

– Вот, держите дружище деньги, я не хочу быть перед вами в долгу. Это пятьсот рублей за ущерб. Этого хватит?

– Ну, конечно хватит, дружище.

– И еще, теперь мы с вами друзья, ну там на полевых работах коли чего нужно, приходите, обязательно помогу, – стоя на коленях у дивана продолжал помещик.

– Встаньте же с коленей Егор Аристархович, вы ставите меня в неравное положение. Увы, я сегодня покину вас, попросите, пожалуйста, запрячь лошадей.

– Пойдемте, позавтракаем, а потом отправляйтесь в путь. А то оставайтесь настолько, сколько захотите. У меня есть чем заняться. Салют, например. Цыган шумных хотите? Ай-на-не, на-не, на-не! Мы еще на рыбалку не ходили... А у меня в пруду такие карпы водятся! – Третюхин рубанул ребром ладони по локтю.

Голова гудела после вчерашней пьянки, поэтому застольные сто или двести граммов крепкой чачи пришлись, как нельзя кстати. Сытого и пьяного Павла Витальевича слуги погрузили в бричку, а Егор Аристархович расцеловал напоследок его в десна. Лошади тронулись и покатали бричку с молодым баринном в сторону города Ярославля.

Глава 3. На хозяйском дворе

Стоял пасмурный летний день. После утреннего ливня земля пропиталась водой, дороги развезло. На постоянный двор заехал крытый экипаж, запряженная двумя лошадьми. Куры и гуси бросились в стороны, уступая место гостю. Из открывшейся дверцы показались начищенные яловые сапоги, в которые были заправлены полосатые штаны. Баба с корзиной грязной картошки остановилась, чтобы поклониться почтенному гостю. Из сарая вышли два волосатых, бородатых мужика по пояс раздетые. Они тоже согнулись в поклоне, но по очереди, время от времени, поглядывали на вылезавшего нежданного гостя исподлобья. Неспешно, вслед за полосатыми штанами из брички вылезло темно-коричневое драповое пальто и серьезная белобрысая голова владельца всего этого гардероба.

Барин, Павел Витальевич показательно достал из кармана розовый носовой платочек и громко, протяжно хрюкая, высморкался. В это время мимо проходил полуглухой кузнец Семен. Он согнулся в поклоне и пятился в ту сторону, куда направлялся по делу. Сморкание ему показалось похожим на выход газов у лошадей, и он громко прокомментировал.

– О, как перданула, ага. Кормят лошадей в чужих краях, ага, чем попадя. Совсем скотину не жалеют. Ага, не жалеют, – кузнец явно шутил, но сквозь эту шутку в голосе чув-

ствовалась душевная забота о животных.

Павлу Витальевичу стало стыдно, что его поступок приняли за естественную нужду лошадей. Он только что приехал из общества культурных господ, поэтому еще не привык к деревенской простоте. Барин скомкал платок в кулак и спрятал в карман.

– Эй, кузнец! Куда пошел? А ну подь сюда! Давай, давай иди сюда! – крикнул удаляющемуся кузнецу барин.

– А, че, ага, надо? Подковать или тележку починить, ага? – громко расспрашивал кузнец.

– Вот эта хромает, почем мне знать почему, – барин указал на одну из лошадей. – Давай, посмотри, а потом скажешь, что да сколько.

Кузнец занялся делом. Он стал осматривать копыта указанной лошади и обнаружил отсутствие одной подковы. Хоть его и не просили, но он осмотрел и другую лошадь, но ничего опасного не обнаружил.

– Ага! Подковать энту надо, – громко в лицо Павлу Витальевичу отрапортовал кузнец, показывая грязным пальцем в сторону хромой лошади.

– Да не ори ты мне в ухо, я-то не глухой! – отругал кузнеца барин. – Сколько тебе времени надо, чтобы подковать?

– А, ага понятно дело. Подковать-то надо! – продолжал очень громко глухой кузнец.

– Да, объясните же этому болвану, что я говорю! – обратился барин к другим постояльцам двора.

– На тебе монету и давай делай! Понятно? – барин положил в руку кузнеца пять копеек.

– Ага, надо так надо, сейчас начнем. Ага, дело надо делать. Что тут непонятного? Сейчас же и начнем, ага.

Кузнец принялся разбирать сбрую на лошади и продолжал чего-то бормотать про себя. Ему на помощь подошли те самые два волосатых мужика и дело пошло быстрее. Тем временем Павел Витальевич внимательно оглядел двор и, высмотрев более аккуратный и чистый дом, направился уверенной походкой к нему. По пути к дому пришлось перепрыгнуть через грязную лужу. Во время прыжка Павел Витальевич, теперь уже по-настоящему громко выпустил наружу кишечные газы и огляделся. Сам не понимая, зачем остановился, сделал вид, что нужно перекреститься, буркнул себе под нос: «Стыдно, не гоже это мне при людях позориться. Ох, нажрался я дряни, теперь пучить будет, укропу бы надо спросить».

– Э, народ, где тут уборная у вас? – крикнул барин, держась за живот.

Молоденькая девка с босыми ногами выглянула из свинарника и молча провела барина на задний двор, где был сарайчик с дверцей. В дверце, умелыми руками, кто-то из местных умельцев вырезал сердечко. Это очень понравилось барину. Он отпустил девку прочь, а сам заперся в уборной.

Прошло примерно полчаса или час. Кузнец вышел с под-

кованной лошадей из сарая и вместе с мужиками принялся снаряжать лошадь в упряжку брички.

– А кто барина видел? Надо бы доложить ему о работе, – спросил один из волосатых мужиков.

– Да, пес его знает, где он. В доме, знать, сидит, чай гоняет, – ответил другой волосатый мужик.

– Ага, дело сделано. Можно доложить барину, ага, уже можно, – громко сказал кузнец и закончил снаряжать свою часть упряжи.

– Нюрка! Где барина дели? Докложиться надо, – позвал один из мужиков свинарку Нюрку.

Дверь скотного сарая скрипнула, из нее выскочила босоногая Нюрка и молча побежала на задний двор. Нюрка говорила плохо, так как язык в детстве повредила, приморозив его о железные кольца. Вдруг она заорала так, что в деревне собаки залаяли, и принялась махать руками, подзывать всех на помощь. Оказалось, барин провалился в очко нужника задом и застрял между досками. Да так, что ни вылезти, ни на помощь позвать, так и сидел все это время в ожидании.

– Несчастье, какое! Живой хоть. Живехонький! Несите его сюда. Нюрка, щелок тащи или мыло, если есть, и тряпки какие-нибудь неси, – на дворе появился новый персонаж – старик с клюкой, Прокопыч, который сразу взял ситуацию под свой контроль.

Неожиданно, Павлу Витальевичу стало худо, его стошнило. Горькая масса испачкала коричневое пальто и сапоги.

Он сам весь побледнел и осунулся. Больше не стесняясь своего положения, барин стал жалким и немощным. Мужики и бабы, собравшиеся вокруг, хлопотали с грязной одеждой и причитали.

– Надо же такому у нас случиться! Ведь, не где-нибудь, а у нас. Ну, ничего. Все будет хорошо! Живой барин! Ни ушиба, ни дерябины! Живой! Малость грязноват, ну это ничего, мы здесь все такие, даже хуже.

– Спасибо, добрые люди. Не бросили. Одежду только жалко, заграничный драп был и сапога одного нет. Потерялся по пути сюда, – глядя в лица селян говорил Павел Витальевич.

Тут прибежал мальчишка с грязным сапогом. Сапог взял за голенище Прокопыч, посмотрел на него и передал по пояс голому бородатому мужику. Мужик подержал его, пальцами счистил с него нечистоты, а потом вытер сапог о свои штаны и передал другому мужику, волосатому. Этот плюнул на сапог, растер до блеска локтем и вернул обратно старику.

– Вот и сапог нашелся. Целехонький, начищенный, прям, как с прилавка, – расплывшись в отцовской улыбке, тот предложил сапог полураздетому барину. Нюрка опустилась на колени и принялась обувать сапог ему на ногу.

Тем временем бабы раздели Павла Витальевича и стали хлопотать с грязной одеждой. Ее сначала замочили в корыте, а потом прополоскали в пруду. Барина, одетого в чужие нательную рубаху и кальсоны, но в своих сапогах усадили

в доме за стол. Для начала дали морковного чая с полынью. В дом к столу пришли оба мужика со двора, но уже одетые в чистые рубахи и кузнец. Они достали свои деревянные ложки из штанов и положили их на стол перед собой. Бабы шуршали по избе – готовили обед. Последним подошел тот самый, сухощавый, маленький старик с клюкой и сел во главе стола.

– Ну, жратва будет ли али как, спрашиваю? – возмутился Прокопыч и застучал ложкой о стол. Это он сделал скорее для подчеркивания своего статуса старосты и выражения общего мнения мужиков, нежели хотел есть.

В ту же минуту вокруг стола зажужжали четыре разновозрастные женщины. Они ловко накрыли стол скатертью поверх лежащих ложек, поставили по центру чугунный горшок, полный щей, а напротив каждого сидящего деревянную миску. Мужики полезли под скатерть доставать свои ложки. Тут старик опять стал возмущаться и кулаком по столу стучать.

– Ну, мать твою, на сухую что ли?! Этакий гость у нас, а ты, твою мать, жабу давишь! – грозно покрикивал старик на копошащихся баб, которые дополнительно на стол поставили деревянные кружки и налили в них ароматную жидкость из бочонка. Прокопыч поднял свою кружку и сказал:

– Вот, значит. Собрались мы тут неспроста. Гость у нас большой. Соизволил в наши края наведаться, в толчке посидеть, а это примета хорошая. Значит, за гостя!

С серьезным видом все чокнулись кружками и молча выпили. Медовуха оказалась великолепной. Это было отмечено каждым вслух не только в целях расхваливания напитка, но и от полученного градуса удовольствия. Павел Витальевич с упоением осушил все до последней капли, не отрываясь. Кружка оказалась литровая и пить пришлось долго. Мужики и бабы терпеливо смотрели, как барин пьет и ждали его мнение.

– Молодцы, мужики. Знатную медовуху делаете. В дорогу мне бочонок подготовьте. Я в Ярославль скоро поеду, хочу ваш напиток на выставке показать. Потом, если распробуют господа, то много медовухи понадобится. Понятно говорю? Озолочу! А?!

– Да, да. Верно. На продажу заготовить надо. Дело говорит барин! На продажу, вот это да! Светлая голова! О, как, понимаете?! Ну, наваливай. Че сидим? – загудели мужики.

После обсуждения сказанного, все набросились с ложками на горшок со щами. Мужик, что сидел слева от барина, позаботился и положил в его отдельную миску достаточно густых щей и кусков мяса. Народ ложками колотил по мискам и с удовольствием чавкал.

– Мать! Давай, еще разливай! Душа просит сказать слово, – не унимался расщедлившийся старик пьяным голосом. – Эко, повезло, что барин к нам попал. И нам тоже повезло. А хорошему человеку всегда и везде везет!

Вновь по кружкам разлили медовуху. Горшок со стола

убрали, а вместо него поставили миску с квашеной капустой и огурцами. В капусте виднелись ягоды клюквы.

– Ну, так, вот, значит. Что это я хотел сказать? Оставайся, барин, у нас на дворе столько, сколько душе угодно. Бочонок уже ждет тебя. А ну, давай, выпьем за нашего гостя!

Второй литр вливался уже не так быстро. Мужики руками брали капусту и огурцы из миски и засовывали ее в подвижные рты. У печки, на длинной лавке, сидели и жевали женщины. Поедание происходило молча, пока громкий удар кулаком по столу не прервал трапезу. Это Прокопыч чего-то опять удумал сказать и заплетающимся языком стал выкрикивать новые распоряжения.

– Барину удобно постелить у печи и не мешать. Пусть спит до завтра сколько душе угодно. Понятно всем? – этими словами он обратился к сидящим женщинам, те закивали в ответ.

Пьяного барина вытащили из-за стола и уложили спать на заготовленное место.

Рано утром Павел Витальевич проснулся отдохнувший и полный сил. Даже голова не болела, несмотря на выпитые два литра медовухи. Он наспех перекусил, оделся в свою выстиранную одежду, натянул помятое драповое пальто и просил запрягать лошадей. В знак расплаты за гостеприимство оставил на столе горсть монет. Старик сдержал слово и отдал пятилитровый бочонок с медовухой для дегустации. Павел Витальевич пообещал договориться о торговле напитком

и потом известить старосту Прокопыча для крупной заготовки. Когда бричка была готова, то попрощался и отбыл. Его провожали всем двором и вышли за ворота, а Нюрка в подарок получила розовый носовой платочек и всем своим видом была безумно счастлива.

Глава 4. Профурсетки

Ехал барин по грунтовой дороге вдоль бескрайних хозяйственных полей. Погода стояла теплая, птички поют, насекомые летают, солнышко вышло из-за туч и стало припекать. Картофельная ботва зеленеет справа, морковная слева, рожь справа, овес слева, только коричневая колея дороги неизменно разделила уголья напополам. Едет он и любитесь ровными грядами да колосющимися нивами, изредка напрягается, чтобы доходы за проданный урожай в уме прикинуть. Тут, слышит, а позади его одноконный экипаж мчится, пыль гонит и довольно быстро настигает. Принял Павел Витальевич вправо, приостановился, пропустить надо спешащих людей, да и нарываться на грубость настроение не то. Не сбавляя скорости, пронесся мимо этот экипаж, а на козлах ямской кучер сидит. Он люто глянул из-под черных бровей, потом поднял вверх бороду и гордо уставился вперед. Облако пыли накрыло барина и его бричку, лошади дернулись в испуге. Дорожная пыль попала в горло, от чего оно запершило, и прямо так до кашля, и вдобавок барин расчихался изрядно. А чему тут удивляться, дорога-то общая, города крупные соединяет, вот и гоняют туда-сюда пассажирские да груженные тележки. Все бы и ничего, да только мусор на ходу выбрасывают, на обочине чего только не сыщешь, а это уже возмутительно.

Не проехал тот экипаж и сотни метров, как подскочил на колейном выступе, круто наклонился, поднял клубок пыли и завалился на обочину. Лошадь сразу остановилась, нервно заржала и на месте топтаться. Павел Витальевич припустил своих лошадей, а при подъезде, не дожидаясь остановки, на ходу выскочил и на помощь бросился. Кучера сразу не увидел, забрался в экипаж, а там только вещи. Когда выбрался наружу, видит во ржи лежат две молодые барышни в нарядных светлых платьях. Лежат на спинах, руками и ногами в воздухе крутят, словно жуки перевернутые лапками шевелят, а встать не могут. Поспешил барин к ним, чтобы поднять на ноги. Стал он одну поднимать за подмышки, а она ругаться вздумала.

– Да, как ты смеешь тискать меня своими грязными лапами?! Отойди, смерд!

– Да, отойди от нее и подойди ко мне лучше, – сказала другая барышня.

Барин оставил первую лежать и подошел ко второй. Принялся теперь ее поднимать тем же способом. А она ничего не возразила против тисканья, зато по другому поводу придралась.

– Фу, как прет от тебя, ты что, в дерьме вымазан? Гадость какая. Меня сейчас стошнит, – с явным отвращением закрыла ладонями лодочкой нос и рот и отвернулась в сторону.

– Что за дерзость, ко мне задницей поворачиваться?! Неотесанный мужлан! Я долго тут лежать буду? – возмуща-

лась первая барышня.

Эта особа была одета в голубое кружевное платье. Выбившиеся из прически длинные, волнистые, светло-желтые волосы неотъемлемо составляли образ молодой модницы. Она обладала заметно стройной фигурой и игривым нравом. Кажалось, что она играла всем, что попадалось в поле ее взора, рук, ног, языка. Взгляд ее не мог фиксироваться более мига на одном, игра интонации голоса менялась в каждом звуке, во всем чувствовалась ветренность и легкость. Находясь в таком состоянии суеты, похоже, она сама не владела собой, от чего, возможно, иногда даже страдала.

Павел Витальевич вновь бросился к первой и теперь уже помог ей встать. Когда она устойчиво приняла вертикальное положение, то тоже начала возмущаться.

– Да, и впрямь дерьмом несет, фу, фу, какая гадость... Не прикасайся больше ко мне, насильник, или я буду звать на помощь.

– Зовите, кого хотите, только в поле кроме птичек вас никто не услышит, – желая остепенить неприступных дамочек, заявил барин и добавил:

– Простите. Позвольте представиться – Павел Витальевич Ананьин, а это все мои посевные земли. Вот, объезд совершаю, собственно, для оценки доходов и затрат.

– Ольга, ты слышала? А барин-то культурный попался, земли свои объезжает, – обратила на себя внимание вторая и принялась поправлять свой внешний вид.

– Вот это белокурое создание величается Ольгой Андреевной, а меня зовите Елизаветой Аркадьевной. Вам понятно?

Вторая фифа представляла собой брюнетку с прямыми волосами, в нежно-розовом длинном платье, с откровенно большим бюстом, нагло торчащим из декольте. Ее располагающее к общению лицо было обильно разукрашено макияжем, хотя и без него она смотрелась бы не хуже. В манере держаться она превосходила свою подружку и могла достойно вести разговоры на различные темы.

– Отвернитесь, Павел Витальевич. Нам туалет поправить нужно. Не можем же мы пред вами в таком виде далее находиться.

– Нам надо прихорошиться, – засмеялась Ольга Андреевна.

– Я это... Отойду недалеко, лошадей посмотрю. Бричку подгоню и обязательно вернусь. Слышите? Обязательно вернусь, не волнуйтесь только, – засмутился барин перед двумя смазливymi барышнями неизвестного происхождения.

Обойдя опрокинутый экипаж, барин увидел, что его бричку лошади укатали далеко. Он добежал до стоящей одиноко лошади и вернулся к своей бричке, чтобы привязать поводья к раме, после чего подошел к девушкам. Затем он вспомнил про лихого кучера и принялся его искать. Кучер нашелся не сразу. Он лежал далеко во ржи, без сознания. Чернявая лысоватая голова была разбита, кровь вымазала часть лица,

бороды и успела спечься вместе с пылью. Он лежал на левом боку в удобной позе спящего человека. Барин немного постоял в нерешительности перед ним, а потом присел, положил два пальца на шею и почувствовал, как бьется пульс, потом потербил кучера за плечо.

– Эй... Очнись, что ли. Просыпайся ямщик. Давай же. Просыпайся уже.

– Оставьте этого дурака. Так ему и надо. Чуть нас не убил, скотина такая! – за спиной послышался голос одной из девиц.

– Как же можно оставить его здесь? Ему ведь помощь нужна, – возразил барин и принялся тащить расслабленного кучера в бричку.

– Я с мертвецом в одной бричке не поеду, – стала возмущаться Ольга Андреевна, а ей принялась поддакивать Елизавета Аркадьевна.

Деваться некуда, места мало и четвертый пассажир будет точно лишним. Тогда барин перетащил полумертвого кучера в опрокинутый экипаж. Вытащил все личные вещи девиц и сложил в бричку. Благо их было немного.

– Прошу вас, барышни, занимайте места, надо поторапливаться. Буду в городе, попрошу подмогу прислать за кучером. Езды до города два часа. Успеем только к вечеру, – пригласил барин девиц в бричку, и они молча поехали дальше.

По пути Елизавета Аркадьевна достала туалетную воду

и незаметно побрызгала на пальто Павлу Витальевичу, когда тот задремал. Девушки переглянулись и весело захихикали. Так они переглядывались всегда, по каждому случаю и просто так. В этих переглядках скрывалось нечто большее, чем обмен эмоциями между подружками. Такое поведение было обязательной частью разговора и взаимопонимания. Павел Витальевич косо поглядывал на девушек и тоже ухмылялся. Он был молод и холост, поэтому девушки представляли для него живой интерес. Перед приближением к городу барин ненавязчиво завел беседу. Поинтересовался местом проживания, социальным положением дамочек, их фамилиями, кругом знакомств.

Оказалось, что между ними небольшая разница в возрасте, есть общие знакомые, помещики и другие знатные люди города, чиновники. Барин особо не расспрашивал о связях с этими людьми, полагая, что это само-собой разумеется. Оно и так видно – молодые девушки находятся в поисках богатых женихов. В этом возрасте так и должно быть: балы, вечера, рестораны и все такое, чтобы не стыдно было вспомнить золотые годы молодости. Перед отъездом из усадьбы молодой барин не собирался в город ехать обязательно, но обстоятельства с медовухой вынудили поступиться своими планами, да тут еще и случай такой подвернулся оказать помощь молодым барышням, попавшим в беду. Ну, не геройский ли это поступок? В городе у барина жили родственники, у которых можно было отужинать и заночевать.

Но вначале он отвезет барышень к указанному дому.

– Господин Ананьин, вы так нам помогли, без вас мы остались бы в полях и погибли! – льстила черноволосая Елизавета Аркадьевна, целуя барина в покрасневшее ухо.

– Нас растерзали бы голодные звери или над нами могли бы надругаться развратные мужики, – тут же вставила Ольга Андреевна, угрожающе выставив растопыренные пальчики.

– Перед тем, как попрощаться, не поможете ли нам с вещами? – Елизавете Аркадьевне явно понравился молодой человек и она не хотела его отпускать, держа за рукав.

– Да, конечно, давайте помогу. Куда нести надо?

Вещи были доставлены в гостиную дома, двери которого открыла женщина-прислуга. Содержимое багажа состояло из двух небольших чемоданов, трех плетеных кошелок, четырех чехлов с платьями и двух сумок с мелочевкой.

– Вам точно есть, где переночевать? – беспокоилась Елизавета Аркадьевна. – А то переспите с нами, теплую постель гарантируем.

– Не волнуйтесь, меня радушно примут у родственников, где накормят и выделяют комнату для сна. Мне не раз приходилось там оставаться.

– Очень хорошо, Павел Витальевич. Тогда мы готовы принять вас завтра вечером. Заходите, не пожалеете. Это будет изысканный и запоминающийся вечер, посвященный поэзии и прозе. Соберется только самый узкий круг друзей. И вы,

конечно, порадуете нас своим присутствием, – блондинка Ольга Андреевна вертелась на месте, не то смущалась в разговоре, не то пыталась соблазнить барина, испытывая терпение своей подружки.

– Спасибо. Я рад приглашению и буду обязательно к завтрашнему вечеру. До свидания!

После прощания Павел Витальевич направился на конный двор, где оставил свою бричку и лошадей на хранение. Также сообщил старшему из ямщиков о раненом кучере и опрокинутом экипаже, оставленном на дороге, показал место на карте. Тут же за раненым был снаряжен и выслан свободный экипаж. Затем барин отправился пешком к родственникам. Он прекрасно знал этот город и быстро добрался до дома. Стемнело, когда молодой человек оказался у дверей дома родни. Здесь его действительно встретили дядя и тетя. Они сильно обрадовались неожиданному приезду, накормили, чем бог послал, дали принять теплый душ и постелили кровать как всегда, в комнате на втором этаже, с видом на улицу. Одежда молодого барина пришла в негодный вид, и ее решено было выбросить, а завтра первым делом сходить в магазин за покупками. Наступила ночь. Денек выдался на редкость насыщенным, поэтому вскоре утомленный организм молодого барина погрузился в беспамятство сна.

Глава 5. Городские новости

За окном вовсю скакали гужевые, стучали рабочие на стройке, чирикали воробьи. Нарушая утреннюю гармонию звуков, под окнами громко спорили два плотника. Павел Витальевич проснулся в десятом часу в хорошем расположении духа. Солнечный будний день уже был в разгаре. Занудный голос убогого продавца газет громко стонал на оживленной улице.

– Купите газетку, купите газетку... Городские новости. Господин, купите газетку. Газетку, ну, купите, пожалуйста. Городские новости. Купите газетку.

Барин открыл широко рамы и высунулся из окна по пояс. Его взгляд сразу же поймал убогий и стал клянчить купить газетку.

– Из какой бумаги газеты твои? – шутливо спросил барин.

– Мнется здорово и следов на жопе не оставляет! – будто знал, что хочет услышать молодой господин, ответил убогий.

– Ладно, держи, – швырнул мелочь на мостовую барин. – Закидывай сюда!

В окно влетела свернутая в тугую трубу свежая городская газета. Читать ее сразу барин не стал, просто поднял с пола и положил на стол. Затем он надел коричневые штаны, которые ему уступил дядя, томно потянулся и протяжно отрыгнул скопившийся в желудке воздух.

– Ыг-хра-хра-хра-ра-ра-а-а!

С улицы донеслась возмущенная женская ругань. Похоже, она была адресована виновнику отрыжки. По отдельным гласным можно было понять, что красная речь искрила откровенной матерщиной. Тут же в дверь комнаты постучали. Возникло такое чувство, что эта недовольная жизнью женщина стояла у двери и ждала подобного сигнала.

– Я уже проснулся, сейчас оденусь и выйду, – громко ответил на стук Павел Витальевич.

– Мы завтракаем в гостиной, Павлуша. Все остывает, поторапливайтесь, – послышался за дверью знакомый голос заботливой тети.

– Да, да, тетя. Все понял. Уже спускаюсь.

Наспех побрившись, умытый и надушенный молодой человек накинул чистую белую рубашку, вышел из комнаты и спустился в гостиную. Ее наполнял запах городского завтрака. Дядя уже скоблил серебряной вилкой о фарфор, чем вызывал нервный тик у тети, которая молча кривилась, но терпела. Рядом на столе лежала такая же газета, как и та, что была куплена у убогого. Дядя косо проглядывал по диагонали испещренные страницы. Сама тетя ела тихо, аккуратно, дочиста вылизывала тарелки язычком, выпивала чай до последней капельки. Она периодически поглядывала на дядю с откровенным недовольством. В ее взгляде чувствовалось, что будь ее воля, то швырнула бы в него, что под руку попадет. Потом дядя принялся пить чай. Несмотря

на то, что он был городским жителем, известным адвокатом, манеры поведения за столом были далеко не изысканными. Чай выливался на блюдечко, потом втягивался через сложенные трубочкой губы в полость рта. Звук напоминал откачку воды из бочки, это стало забавным для молодого барина, он молча ел и улыбался. Завтрак прошел мирно и спокойно.

– Спасибо тетя, спасибо дядя. Все действительно вкусно. Сегодня я хочу прогуляться по магазинам, присмотрю новых вещей.

– На здоровье! Недалеко отсюда есть отличный магазин. Лучше сразу сходить туда, – посоветовала тетя.

– Ага, иди, иди. Этот магазин держит скупердьяй Изя. Ты его слушай, но обязательно поторгуйся, а не то впарит вещи втридорога, – перебил дядя, обращаясь к тете и к племяннику сразу.

– А если не уступит в цене, так скажи ему, что под суд пойдет, он в долгу у меня, – еще добавил дядя. – Я его в прошлом месяце спас от несвоевременной уплаты налогов, то еще дело было.

В галантерейном магазине господина Изи Кобы было настолько тихо, что слышно, как муха чистила крылышки. В торговом зале на многочисленных полочках, стеллажах, в ящичках, аккуратно лежали галстуки, сумки, рубашки и прочие мужские аксессуары. Повсюду стояли плоские картонные манекены хорошо одетых мужчин и соответствующи-

щих им женщин. На вешалках висели выглаженные костюмы и плащи. Среди выставочных манекенов находился один пример идеального господина в черном костюме, белой рубашке с красной бабочкой. Этот типаж сидел на стуле, закинув ногу на ногу и смотрел в сторону выхода.

Вдруг, дверь в магазин резко открылась, звякнул колокольчик, и на входе появился белобрысый молодой человек с румяными щеками. Павел Витальевич осторожно прошел по залу, внимательно разглядывая выставленные вещи. Сначала его внимание привлек отдел с костюмами, затем полка с кожаными ремнями. В момент, когда молодой человек проходил мимо большого зеркала, на его плечи мягко опустилось драповое пальто. Павел Витальевич удивленно оглянулся и увидел ухоженное лицо горбоносого продавца.

– Как вы узнали, что мне нужно пальто? – спросил барин.

– А как вы думаете, что можно еще предложить молодому господину, если на улице прохладно, а в магазин заходит гладко выбритый молодой человек в одной рубашке и что-то ищет? – вопросом на вопрос ответил продавец магазина.

– А, ну да. Это точно. В одной рубашке. Так ведь лето, тепло. Вы правы, вчера я лишился своего фабричного пальто, а это мне нравится, – барин разглядывал себя в зеркале. – Сколько оно стоит?

– Вам обойдется оно недорого только потому, что ваш дяденька уважаемый человек.

– Как это вы догадались? Я ведь вам ничего не говорил.

– Видите ли, молодой господин, вот эти брючки, что на вас надеты, продаются только в этом магазине и их покупал ваш дяденька, – продавец перевел взгляд на вешалку с подобными брюками.

– А, вот оно что. Понятно! А что мне еще предложите?

– Ну, вот, другой разговор. Конечно, предложу молодежный современный покрой. Примерьте эти вещи, размер точно подобран для вас. В этом можно сегодня вечером идти на вечеринку.

– Какую такую вечеринку? – недоумевающим тоном спросил молодой барин, но ответа так и не услышал.

Продавец торжественно вручил молодому человеку брюки из темно-серой ткани в клетку, которые тот пошел мерить в примерочную комнату. Брюки понравились. Молодой барин вышел из примерочной в новых брюках, широко улыбаясь.

– Видите, вы сами сказали, что вы зашли именно туда, куда надо! – уверенно сказал продавец.

– Кто, я? Сказал? Я только успел...

– Ну, даже если и не говорили, то ведь подумали, – продолжил настойчивый продавец.

– Так сколько мне заплатить за покупки?

– Давайте так. Пальто сейчас не в сезоне, поэтому на него скидка, а брюки такие, как на вас, носят пока только в Париже, вот они будут стоить своих денег. И не забудьте взять этот ремень, лаковые туфли, модную блузу с запонками и шикар-

ное жабо. Таким образом, вы ничего не теряете, господин, а выходите из магазина в идеальном виде.

– Я торговаться по мелочам не умею, но если все это брать, то потребуются с вас некая скидка, о которой будет заявлено моему почтенному дяденьке, – деловито парировал молодой барин.

– Таки быть по-вашему. Только из лучших побуждений к вашему дяденьке сделаю уникальную скидку на все вещи. Только никому об этом ни слова.

Павел Витальевич расплатился с Изей Кобой и вышел на улицу. Не успел он сделать и шага от дверей магазина, как какой-то кучерявый темноволосый молодой человек быстро протиснулся за спиной и толкнул открывающуюся дверью барина. После удачной покупки настроение немного ухудшилось. Не каждый человек может себе позволить вот так просто толкаться дверями. Позади дверь опять резко открылась и вновь толкнула Павла Витальевича в спину.

– Что вы себе позволяете? Как же так можно? – возмутился барин и схватил торопыгу за руку.

– Простите! Я очень тороплюсь и ничего не замечаю вокруг себя, – ответил молодой господин с явно французским акцентом. – Не сможете ли вы мне найти, где в этом городе такой же, но женский магазин?

– Прощаю вас, конечно! Показать могу, а лучше идемте вместе, – предложил ненавязчиво Павел Витальевич.

– Вот спасибо! Я недавно приехал из Парижа к своему от-

ду. Он служит чиновником в канцелярии губернатора. А сегодня я приглашен в гости к двум милым дамам на творческий вечер. Вот я и тороплюсь купить, какие-нибудь подарки, у нас во Франции так принято.

Из разговора оказалось, что молодые дамы пришли общими знакомыми, которые пригласили не только Павла Витальевича в гости, но и этого французишку тоже. По пути в дамскую галантерею оба молодых человека неплохо познакомились и успели расположиться друг к другу. Француз Жюльен Дюпон оказался дружелюбным и легким в общении, образованным человеком, двадцати одного года. Внешне он чем-то напоминал черного пуделя с человеческим лицом. От него приятно пахло парфюмом, стильный модный костюм без единой складки сидел на ровной спине, брюки выделялись незначительным галифе и на ногах блестели начищенные черные полусапожки с пряжками. Его поведение, в сочетании с одеждой, создавали общее впечатление положительного человека, что не вызывало сомнений в его благородной наследственности. Во время беседы Жюльен сетовал на неудачи, рассказывал один интересный случай за другим и даже в разговоре положил барину руку на плечо. Павел Витальевич поймал себя на мысли, что он давно не встречал душевных простых людей, с которыми хотелось искренне поделиться своими впечатлениями. Так они дошли вместе до магазина дамской галантереи, где приобрели подарки и договорились о встрече этим вечером для совместного по-

ХОДА В ГОСТИ.

Глава 6. Любовная вечеринка

На пороге двухэтажного особняка стояли два молодых человека с цветами и подарками. По их поведению было похоже, что они знакомы с детства. Кучерявый черноволосый француз и русский коренастый молодец шутили, толкались локтями, хлопали друг друга по спине. Наконец, они успокоились и вместе постучали. Двери открылись и их встретили две молодые служанки. Они помогли снять верхнюю одежду с гостей, потом провели в гостиную, просили немного подождать, а сами незаметно скрылись.

– Очень порядочный домик, заметьте, – сказал Павел Витальевич, оглядываясь вокруг себя.

– Да и служанки немножко знакомы... Ты, что не понял? – шепнул на ухо Жюльен и загадочно подмигнул.

– Так это...? – не успел барин сказать, как француз закрыл ему рот рукой. – Делай вид, будто мы ничего не поняли.

В гостиную вошли две улыбающиеся барышни в очень откровенных нарядных платьях. Молодые люди одновременно поклонились, принялись дарить цветы и подарки, толкаясь и натываясь друг на друга.

– Милые барышни, здравствуйте! Как же вы восхитительно выглядите! А глаза, Павел Витальевич, вы только посмотрите на их глаза, они полны нежности и любви, – Жюльен вел себя словно павлин, распутивший хвост.

– И страсти... А что? Я присоединяюсь к словам моего друга. Дамы, вы так прекрасны, что находиться рядом, уже счастье! – не отставал в комплиментах Павел Витальевич.

– Уважаемые господа, мы тоже рады приветствовать вас в этом доме, – сказала Елизавета Аркадьевна.

– Прислуги более нет, мы отпустили ее и теперь вольны делать все, что захотим до утра, – проболталась Ольга Андреевна и тут же получила локтем в бок от подружки.

Молодые мужчины смотрели на девушек голодными глазами и не решались совершить выбор пары. Они с упреком переглянулись. Им надо было заранее определиться с предпочтением. Теперь, чтобы не поссориться, они не стали поднимать эту тему, а решили просто предоставить выбор девушкам.

Первым делом гостей повели в зал, в котором все расположились на мягкой мебели. У стены стояло пианино с канделябрами и зажженными свечами.

– Между прочим, Ольга Андреевна умеет замечательно исполнять романсы и музицировать. Давайте ее попросим, – предложила строго Елизавета Аркадьевна.

Ольга Андреевна мило поклонилась и отправилась к пианино. Она исполнила три популярных романса. После этого Павел Витальевич вышел на середину зала и с интонацией прочитал наизусть длинный отрывок из поэмы Гомера «Одиссея». Чтобы не уступить в образованности, Жюльен рассказал на французском языке одну из комедий Молье-

ра. Он умело играл голосом, изображая женские и мужские роли, кривляясь и передвигаясь от одного зрителя к другому. После театрального выступления все долго аплодировали ему.

– А теперь пройдемте за стол в обеденную комнату, – пригласила Елизавета Аркадьевна и повела за собой.

Молодые господа услужливо уступили путь дамам, а потом направились за ними следом. В соседней комнате стоял сервированный круглый стол на четыре персоны. На скатерти возвышались наполненные цветными жидкостями графины, аккуратно расставлены тарелки с закуской, салатами, нарезанными фруктами и овощами. В укрытых полотенцами кастрюльках дожидался гостей еще горячий гуляш. Молодые люди расселись за стол так, чтобы мужчины и женщины сидели через одного. В полном безмолвии под тиканье настенных часов господа и дамы поглощали попавшую в рот еду, запивали ее цветными морсами, постукивали и поскрипывали приборами о фарфор. Напряженность с каждым тиканьем секундной стрелки росла, но первым ее нарушить никто не решался. Елизавета Аркадьевна поглядывала на Павла Витальевича, Жюльен следил за руками Ольги Андреевны. На улице залаял сторожевой пес. Первым, кто нарушил спокойствие, оказалась Ольга Андреевна. Она не смогла удержаться от распирающих ее изнутри эмоций и при попытке сказать шутку и неожиданно раскашлялась. Француз первым сорвался с места и подскочил к ней для оказания

помощи. Он поднял ее на ноги, прижался сзади, наклонил вперед и обхватил руками за талию. Сильными и резкими движениями он принялся надавливать ей на живот. Девушка кашляла так, что заметно покраснела и кашель прошел. Жюльен увлекся процессом настолько, что не слышал слабых слов об окончании кашля. Он продолжал энергичные движения, которые уже переросли в поглотившую страсть с помутнением рассудка.

– Достаточно. Ох! Оставьте вы эти дела.

– Ах! Не стоит так напрягаться, – продолжал Жюльен.

– Ох! Ах! Я еще не... Еще! Давайте сначала потанцуем!

Ольга Андреевна больше не возражала против оказания первой помощи и второй, и третьей, и так далее. Елизавета Аркадьевна подошла к механическому музыкальному инструменту и поставила иглу на заготовленную мелодию. В помещении заиграла веселая мазурка, перекрывающая крики Ольги Андреевны и Жюльена. Павел Витальевич и Елизавета Аркадьевна переглянулись и оставили сладострастную танцующую парочку одних в комнате, а сами перебрались в зал и прикрыли за собой двери. Елизавета Аркадьевна подошла к Павлу Витальевичу и прижалась к нему. Они закружились в вальсе по залу. С каждым движением танца они сближались, до тех пор, пока девушка легонько не толкнула молодого человека в кресло, а сама присела рядом на мягкий подлокотник с левой стороны. Ее руки плавно скользили по светлым волосам молодого барина, локо-

ны длинных темных волос щекотали лицо и руки. Павел Витальевич принялся нежно гладить ее ноги, живот и грудь и перенес девушку к себе на колени. В это время за дверью послышался грохот посуды и нарастающие стоны любовной страсти. Елизавета Аркадьевна вздрогнула и улыбнулась. Музыка замолкла.

– Давайте другую музыку послушаем? – предложила Елизавета Аркадьевна, встала с колен Павла Витальевича и направилась к другому музыкальному механизму.

Негромко заиграла танцевальная сюита. Павел Витальевич поднялся из кресла и подошел к стоящей спиной Елизавете Аркадьевне, которая раскачивала бедрами в такт музыке. Он молча взял ее за руки и повернул к себе. Они начали медленно танцевать, тесно прижимаясь телами. Их взгляды встретились в улыбке, плавные движения переросли в резкие выпады, опрокидывания с поддержкой, быстрые перемещения по комнате и вновь тесные прижимания. В ходе танца рухнула стена стеснения и неловкости. Павел Витальевич подхватил Елизавету Аркадьевну на руки и круговыми движениями под музыку дошел до угла комнаты. Он медленно положил раскрасневшуюся брюнетку на кожаный диван и принялся ее целовать, гладить ноги под платьем. Музыка остановилась, стало слышно, как в обеденной комнате бьются тела и громко выкрикивают дикие звуки, но это уже было неважно. Влюбленные помогли снять друг другу лишние одежды и освободить место для любовных поцелуев.

– Лиза, я хочу тебе сказать, – начал было Павел Витальевич, но его остановила Елизавета прижатым к губам указательным пальчиком.

– Павлик, милый, ничего не надо говорить, оставь слова на потом.

Елизавета Андреевна судорожно вздрогнула и опустилась медленно на колени. Ее руки коснулись ног Павла Витальевича, от чего он вздрогнул, вцепился в ее черные волосы и крепко их сжал в пальцах. Потом не в силах сдерживать напряжение, потерял над собой контроль. Девушка прикасалась к напряженным частям мужского тела, наслаждалась укромным мужского самолюбия, переходя к более тесным интимным отношениям. Как только легкие прикосновения перестали судорожно подергивать перевозбужденное мужское тело, девушка легла на диван и отдалась сполна нахлынувшему на нее физическому наслаждению. Закатив глаза, Павел Витальевич получал сладострастное удовольствие от движений, продолжая удерживать подпрыгивающую девушку в своих руках.

Вдруг резко запахнулась дверь обеденной комнаты, в зал с шумом и визгом вбежал Жюльен без штанов, в одной рубашке, а на плечах у него восседала совершенно голая Ольга и гоготала.

– Иго-го! Похоже, мы вас застукали на месте совершения разврата! Не пора ли уже, наконец, кончить и сменить обстановку, друзья. Музыка! Давайте же выпьем вина! – они сме-

ялись, визжали, размахивая фужерами и бутылкой Шардоне в воздухе.

Ну, кончайте же быстрее! – торопили шумные молодые люди Павла Витальевича и Елизавету Аркадьевну.

Внезапно в доме все ожило. Опять заиграла громкая музыка. Француз и блондинка бесились и носились по комнатам, не обращая внимания на любовников. Наконец Елизавета Аркадьевна громко вскрикнула, а Павел Витальевич откинулся на спину и вытер пот со лба. Не прошло и минуты, как длинноволосая брюнетка стояла на столе и лила вино себе на ногу. Напиток стекал по пальцам и перетекал Павлу Витальевичу прямо в рот. Голая Ольга с распущенными золотистыми волосами оседлала Жюльена, стоящего на четвереньках и размахивала вокруг себя снятой сорочкой, а Жюльен вставал на колени и ржал как конь. Лиза, предупредив всех, с криками «Держите меня семеро!», упала на руки Павлу Витальевичу, и они повалились оба на пол. Она обняла его и принялась пылко целовать и слизывать с тела остатки вина. Потом Лиза бросилась под ноги Жюльену и упала на спину под него. В это время Ольга соскочила с Жюльена на пол, подкатилась к Павлу, обняла его руками и ногами спереди и принялась тоже пылко целовать. Противостоять такой атаке Павел был не в состоянии, пьяное расслабление вновь пробежалось по телу, и он сдался. Павел набросился на Ольгу с необузданной страстью и свершил то, что не успел с Лизой. Ольга лежала на спине и кричала от прони-

кающего в нее удовольствия. Рядом, на полу, Жюльен держал Лизу сзади и энергично работал всем телом с возбужденной, взвизгивающей девушкой. Он ржал, подобно коню, и шлепал ладонями по мягким ягодицам растрепанной брюнетки. Затем уставшие и удовлетворенные молодые люди почти одновременно закончили заниматься любовью. Они повалились на пол в чувствах наслаждения и, обнявшись все вместе, уснули до утра.

Был девятый час утра, когда Елизавета Аркадьевна и Ольга Андреевна попрощались с гостями. Жюльен и Павел Витальевич пятились по ступенькам и посылали воздушные поцелуи дамам. Видно, что не хотелось расставаться и девушкам, они закрывали двери, а потом опять открывали и смеялись. Окончательно попрощавшись, мужчины вышли за ворота двора.

– Уф..., что это было? Павел, как смотришь на то, чтобы отведать французского коньяка, привезенного мной из Парижа? Ну, соглашайся. Прошу тебя, – уговаривал Жюльен Павла, который собирался, было идти домой.

– Французский, говоришь? Это можно. Уговорил! Идем же, дружище, праздник продолжается! – Павел Витальевич положил руку на плечо Жюльену и они, синхронно шагая в ногу, направились к дому.

Жюльен Дюпон временно проживал в трехэтажном доме, на квартире у отца. Каждый этаж этого дома занимала

одна семья, на которую приходилось по пять комнат. Вход в дом находился прямо с улицы и открывался личным ключом. Молодые люди поднялись на третий этаж, вошли в коридор и переобулись в домашние тапочки. В доме их встретила очень старая бабуля, которая плохо говорила и еще хуже слышала. Она была рада видеть молодых краснощеких мальчишек и даже сумела связать несколько добрых словосочетаний тихим голосом. Жюльен показал комнаты, коротко рассказал историю своей семьи, после чего он достал глиняный двухлитровый бутыль с настоящим французским коньяком. Звонко чокнулись хрустальные бокалы с янтарной жидкостью и она обожгла ротоглотки гурманов. Прилив бодрости и блеск в глазах создал новые темы для дружеских бесед.

Глава 7. Приключения Жюльена Дюпона

В Париже Жюльен жил совместно со своей мамой, француженкой Антуанеттой Дюпон. Скромная квартирка с двумя комнатами в доходном доме была по карману портьерше, имеющей свое небольшое швейное предприятие. Большая часть денег уходила на обучение единственного сына сначала в школе, а потом в промышленном колледже. Отец Жюльена познакомился с Антуанеттой во время поездки в Париж. У Аристарха Алексеевича Дюпона в Париже жили сестра, два брата, отец и мать, которую он вскоре после смерти отца перевез в Россию. По его же настоянию Жюльен прибыл в Россию для реализации себя в деле, но пока настоящего дела не представилось.

Живя и учась в Париже, Жюльен познакомился с представителями одного интеллигентного общества. В нем вращались люди различных социальных классов и сословий. Здесь собиралась молодежь, студенты, художники, поэты, писатели, политики, артисты и даже верующие люди. Такая разношерстная компания, как правило, собиралась раз в неделю на предоставляемой квартире одного из членов. Время от времени, появлялись новые люди. К ним проявлялся особый интерес. Если они вносили свежий ветер идей, то порядки и традиции по ходу менялись. Так, прежде, чем по-

пасть на закрытую вечеринку, Жюльену пришлось зарекомендовать себя на трибунах речами свободомыслия. В течение года Жюльен создавал философское учение научного агностицизма, а также изложил мысли в журнале, чем разгневал местное духовенство. Молодого человека сняли с учебы и привезли в аббатство, где ему в течение недели промывали мозги католические наставники. Каждый день он учил библейские толкования и экзаменовался перед монахами. Тем не менее, сразу по возвращению в город, получил приглашительную визитку на закрытый вечер. В этот первый случай Жюльену удалось заразить членов общества новой теорией мышления и приобрести знатных друзей. Благодаря задаваемым вопросам, ему удалось завершить многие темы своего учения и опубликоваться в печати. Теперь, благодаря богатым покровителям, Жюльен мог не бояться преследований церкви и свободно высказываться. Мать все знала о досуге своего сына, пыталась образумить его, уберечь от наказания, но когда в его карманах появились заработанные деньги, оставила свои подозрения.

На одном из вечеров Жюльен познакомился с одной приятной девушкой. Ее звали Мэри. Она смотрела с восхищением и ждала от него теплых отношений. В жизни Жюльена начался цветочно-шоколадный период. Молодой философ влюбился в нее по уши. Девушка выделялась из толпы своими яркими рыжими волосами, пышной прической. Мэри замечательно владела методикой критического мыш-

ления, этим-то она и привлекла внимание интеллигентного общества. В своих докладах о художественном искусстве, содержании текстов о современной литературе или социальных проблемах, девушка убедительно приводила аргументы, обоснованные заключения и решения, проверяя их по критериям и стандартам. Она четко и ясно высказывала то мнение, какое высоко ценилось ее единомышленниками. Позже выяснилось, подруга Жюльена оказалась дочкой богатого промышленника, предпринимателя, но это не мешало их дружбе. Молодые люди стали проводить много времени вместе, но всему хорошему пришел конец, когда родители узнали о социальном статусе Жюльена Дюпона и отправили свою дочку на учебу в Англию. Целый год писали они друг другу письма, а потом переписка внезапно оборвалась. Денег на поездку в Англию у Жюльена не хватало, поэтому молодому человеку пришлось остыть, заняться всерьез учебой и творческой подработкой. Так прошел последний учебный год в промышленном колледже. После успешного окончания обучения почтальон принес приглашение от отца, и Жюльен поехал в Россию.

– М-да! Грустная история получилась. Как же ты пережил это? – после минуты молчания спросил Павел Витальевич. – Освежи мне бокальчик, если не трудно.

– Пережил? Если это можно было так назвать. Я готов был продать душу дьяволу, лишь бы воскресить наши отношения с Мэри, – подливая новую порцию душистого коньяка и ло-

мая горький шоколад пальцами, жалко ответил Жюльен.

– Ну, и как же поступил бы с тобой дьявол? – съязвил Павел Витальевич, цепляясь за слова.

– А ты зря иронизируешь, в последнее время он неустанно следил за мной, пока не застал врасплох, но это уже другая история. Ты хочешь узнать ее?

– Изволь утолить интерес.

– Тогда послушай, и после не вздумай меня осуждать, неизвестно, как бы ты поступил в моем случае. – Жюльен стал серьезен, как никогда прежде. Он встал с места и принялся рассказывать историю, перемещаясь по комнате, то останавливаясь в разных местах, то присаживаясь ненадолго там, где это было возможно.

Как было сказано ранее, Жюльен остался в полном одиночестве, в состоянии нервного срыва, после разлуки с любимой девушкой. Мэри перестала отвечать на письма. Разочарование в себе, в окружающем мире, привели Жюльена в состояние стресса. Молодой человек пропустил четыре раза подряд посещение званых вечеров в обществе единомышленников и надеялся, что больше никогда в него не вернется. Однако, его намерениям не суждено было сбыться. Все это время, пока Жюльен отсутствовал, за ним следили, но не вмешивались в частную жизнь. В один день к нему, прямо на улице, подошли трое мужчин в черных костюмах и предложили сесть в дилижанс. Отказаться от такого предложения было невозможно. Внутри на его голову надели

непрозрачный черный мешок и попросили не снимать его до приезда, руки оставались свободными. Поездка, разумеется, была долгой. Целый день прошел в дороге неизвестно куда и зачем. На вопросы Жюльену отвечали спокойными вежливыми голосами, однако, прямых ответов не было, а лишь косвенные намеки на совершение какого-то мероприятия.

Заснувшего Жюльена разбудили бодрые голоса и свежий прохладный воздух. Мешок с головы уже был снят, но состояние расслабленности после сна и отсутствие воли, что-либо делать, создавали ощущение дискомфорта, не то раздражения. Ночное небо освещалось полной луной. Впереди возвышались контуры старинного замка. Жюльен и трое мужчин в черном пошли на свет в темноте. Жюльен несколько раз умудрился запнуться, после чего один сопровождающий взял его под руку. На входе в замок их ждал дворецкий с фонарем. Этот бородатый низкорослый человек показался слишком угодливым, чем вызвал подозрение у Жюльена. Повторное подозрение возникло и при следующей встрече, с ожидавшими их в вестибюле другими слугами. Каждый из них отличался врожденной индивидуальной убогостью, хотя по отношению к Жюльену, они были вежливы, радушны и ничем не провоцировали себя. После позднего короткого ужина все четверо отправились в зал, где их ждали господа и дамы в черных накидках. В отличие от дам, мужчины были опоясаны льняной бечевкой. Никто не имел на себе

драгоценностей, колец и других признаков роскоши, поэтому все казались равны. Жюльена и его молчаливых спутников переодели в черные плащи, все личные вещи были сложены в индивидуальные сейфы. У Жюльена ничего ценного при себе не оказалось.

В зал вошел господин, пришествию которого все долго ждали, он поблагодарил всех за терпение и объявил о начале шествия. Участники надели на головы глубокие капюшоны с отверстиями для глаз и вышли из замка во внутренний двор. Во дворе горели факелы, которые освещали травяную лужайку и каменные стены замкнутого пространства. Посередине лужайки возвышался серый мраморный пьедестал в форме круга, на котором стоял серебряный таз. Все встали вокруг этого пьедестала, образовав плотное кольцо. Лишь один человек – мессия остался внутри этого кольца, он поднялся на пьедестал и начал читать заклинания на латыни из древнего фолианта. Внезапно произошло чудо, на плоской площадке пьедестала появилась рыба, напоминающая по форме карася. Мессия достал из рукава жертвенный нож необычной формы, отрезал рыбе голову и бросил обе части в серебряный таз с водой. Затем там же, где появилась ранее рыба, возник черный ворон, которого постигла такая же участь. После новых заклинаний появился мешок с черным котом. Мессия не смог удержать брыкающегося кота в руках. Кот спрыгнул на мраморный пол, на ходу вцепился в голову рыбы и бросился бежать прочь. Жертвенного кота на-

до было срочно изловить. Люди в черных одеждах шумно разомкнулись и принялись искать животное. Когда бедного кота поймали, мессия треснул его головой о мрамор, и церемония вновь возобновилась. Полудохлое животное было показательно обезглавлено и брошено в тот же таз. Последняя жертва оказалась довольно симпатичной. На мраморном пьедестале появилась совершенно обнаженная, молодая девушка, лицо которой скрывала шикарная рыжая шевелюра. Девушка заметно находилась под воздействием опиума, была расслаблена и постоянно беспричинно хихикала. Жюльен не поверил своим глазам, перед ним была его любимая и недавно пропавшая Мэри. Его сердце сильно забилося, дыхание участилось, и он вспотел холодным потом. У мессии в руках появились ножницы, которыми он безжалостно обстриг голову девушки, стараясь сделать волосы, как можно короче. Рыжие трупики волос были аккуратно собраны и утоплены в тазу. Затем мессия подхватил девушку на руки и аккуратно положил на плоскость пьедестала. Он обратился к присутствующим с предложением священного соития с жертвой, но желающих на этот момент не нашлось. Тогда он решил показать пример сам и, задрав подол плаща, подтянул ноги девушки к себе. Однако, мессия переоценил свои возможности. В силу отсутствия желания заниматься этим прилюдно, у него ничего не получилось. Он привел себя в порядок и быстро прошелся вокруг площадки, громко читая заклятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.